

* * *

Огнистый Сириус сверкающие стрелы
Метал еще с небес в подлунные пределы,
Лежала на холмах вокруг ночь и тишина,
Вселенная была безмолвия полна;
А только ветров свист, лесов листья шептали,
Шум бьющих в камни волн, со скал потоков рев
И изредка вдали рычащий лев
Молчанье прерывали.
Клеант, проснувшийся в пещере, встал
И света дожидался.
Но говор птиц едва помалу слышен стал,
Вкруг по берегам раздался
И вскрикнул соловей;
Тумана, света сеть во небу распростерлась,
Сокрылся Сириус за ней,
И ночь бегущая чуть зрелась.
Мудрец восшел на вышний холм
И там, седым склонясь челом,
Воссел на мшистый пенек под дубом многолетним
И вниз из-под ветвей пустил свой взор
На море, на леса, на сини цепи гор
И зрел с восторгом благолепным
От сна на восстающий мир.
Какое зрелище! какой прекрасный пир
Открылся всей ему природы!
Он видел землю вдруг, и небеса, и воды,
И блеск планет,
Тонущий тихо в юный, рдяный свет.
Он зрел: как солнцу путь заря уготовляла,
Лиловые ковры с улыбкой расстилала,
Врата востока отперла,
Крылатых коней запрягла
И звезд царя, сего венчанного возницу,

Румяною рукой взвела на колесницу;
Как, хором утренних часов окружена,
Подвинулась в свой путь она,
И восшумела вслед с колес ее волна;
Багряны вожжи напряглися
По конским блещущим хребтам;
Летят, вверх пышут огонь, свет мещут по странам,
И мглы под ними улеглись;
Туманов реки разлились,
Из коих зыблющих седин,
Челом сверкая золотым,
Восстали горы из долин,
И воскурился сверх их тонкий дым.
Он зрел: как света бог с морями лишь сравнился,
То алый луч по них восколебался,
Посыпались со скал
Рубины, яхонты, кристалл,
И бисеры перловы
Зажглися на ветвях;
Багряны тени, бирюзовы
Слились с золотом в облаках;
И всё — сияние покрыло!
Он видел! как сие божественно светило
На высоту небес взнесло свое чело,
И пропастей лице лучами расцвело!
Открылося морей огнисто протяженье:
Там с холма вниз глядит, навесясь, темный кедр,
Там с шумом вержет кит на воздух рек стремленье,
Там челн на парусах бежит средь водных недр;
Там, выплыв из пучины,
Играют, резвятся дельфины,
И рыб стада сверкают чешуей,
И блещут чуды чрева белизной.
А там среди лесов гора переступает,
Подъемлет хобот слон и с древ плоды снимает.

Здесь вместе два холма срослись
И на верблюде поднялись;
Там конь, пустя по ветру гриву,
Бежит и мнет волнисту ниву.
Здесь кролик под кустом лежит,
Глазами красными блестит;
Там серны, прядая с холма на холм стрелами,
Стоят на крутизнах, висят под облаками;
Тут, взоры пламенны вверх устремляя к ним,
На лапах жилистых сидит зубастый скимн;
Здесь пестрый алчный тигр в лес крадется
дебристый
И ищет, где залег олень роговетвистый;
Там к плещущим ключам в зеленый мягкий лог
Стремится в жажде пить единорог;
А здесь по воздуху витает
Пернатых, насекомых рой,
Леса, поля, моря и холмы населяет
Чудесной пестротой:
Те в злате, те в серебре, те в розах, те в багрянцах,
Те в светлых заревах, те в желтых, сизых глянцах
Гуляют по цветам вдоль рек и вокруг озер;
Над ними в высоте ширяется орел!
А там с пологих гор сёл кровы, башен спицы,
Лучами отразясь, мелькают на водах.
Тут слышен рога зов, там эхо от цевницы,
Блеянье, ржанье, рев и топот на лугах;
А здесь сквозь птичий хор и шум от водопада
Несутся громы в слух с великолепно града
И изъясляют зодчих труд.
Там поселяне плуг влекут,
Здесь сети рыболов кидает,
На уде блещет серебро;
Там огонь с оружия войск сверкает. —
И всё то благо, всё добро!

Клеант, на всё сие взирая,
Был вне себя природы от чудес,
Верховный ум творца воображая,
Излил потоки сладких слез.
«Всё дело рук твоих!» — вскричал во умиленьи
И арфу в восхищеньи
Прияв, благоговенья полн,
В фригический настроя тон,
Умолк. — Но лишь с небес, сквозь дуба свод
листвяный
Проникнув, на него пал свет багряный,
Брада сребристая, чело
Зардевшись, как солнце, расцвело, —
Ударил по струнам, и от холма с вершин
Как искр струи в дол быстро покатались,
Далеко звуки разгласились,
Воспел он богу гимн.

Гавриил Романович Державин, 1800